

А. Н. ЛЕМЕШЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ М. М. ФИЛИПОВА И ПОЗИТИВИЗМ

Видный общественный и литературный деятель, крупный ученый-энциклопедист, основавший в 1894 году один из первых в России научно-философских журналов «Научное обозрение», М. М. Филиппов (1858—1903) испытал на себе, особенно в 80-е годы, сильное влияние философии позитивизма. Это влияние сказалось и на его эстетических воззрениях.

Пристальное внимание Филиппова к эстетическим проблемам своего времени было продиктовано стремлением к универсальному изучению действительности. К началу 80-х годов, времени вступления Филиппова на журналистское поприще, в русской литературной критике, где традиционно вырабатывалась и оформлялась эстетическая мысль, не было общепризнанного лидера, подобного Белинскому в 40-е или Чернышевскому и Добролюбову в 50—60-е годы XIX века. И хотя идейное наследие революционных демократов продолжало оставаться важнейшим слагаемым общественной и литературной жизни 80-х годов, неудачи и разочарования, постигшие к тому времени передовое общественное движение, в определенной мере наложили отпечаток и на характер восприятия теоретического наследия вождей революционной демократии. Не говоря уже о реакционной критике, даже в народнической, эволюционирующей к либерализму, постепенно слагается мнение о якобы излишнем максимализме, этническом ригоризме, утилитаризме учений предшествующих десятилетий.

Отказ от действенной, революционной эстетики 40-х и 60-х годов слышался то в призыве к мелкому, эмпирическому описательству, при котором заранее исключалась возможность проникнуть в суть изображаемого явления¹, то в широковещательной программе показать весь божий мир «во всей его красе»² вместо убогой обстановки бедняка, на которую ориентировала поэтов и писателей революционно-демократическая эстетика, то в прямом отказе от сатирического, обличительного начала в литературе³. В журнальной критике этого периода доминируют постепенность, умеренность, демонстративное отстранение от всякой резко протестующей мысли. На место ослабевающему идейному воздействию Белинского, Чернышевского и Добролюбова приходит наиболее соответствующий постепенновской идеологии позитивизм.

Начало литературно-критической деятельности Филиппова, в том числе и его изыскания в области теории искусства, отмечены несомненным воздействием позитивистской идеологии. Ничем иным, кроме позитивистского влияния, нельзя объяснить суждения Филиппова о Белинском в статье «По поводу писем Гоголя»⁴. Литература, искусство должны отражать жизнь. Жизнь первична, искусство вторично, утверждает Филиппов, не противореча пока ни материалистической, революционно-демократической эстетике, ни позитивному взгляду на искусство. Чуть заметный крен в сторону позитивизма Филиппов делает далее, разрешая вопрос о степени взаимодействия живой жизни, действительности и искусства. Если для революционно-демократической эстетики процесс воспроизведения жизни неизменно включал в себя поиск, поэтизацию, а зачастую и утверждение

новых положительных героев и идеалов, до которых должно подтягиваться, дорастать большинству, то позитивистская теория искусства больше тяготела к пассивному, созерцательному отражению действительности, в которой общественный прогресс слагается из бесконечно малых и в силу этого медленных изменений, совершающихся в массе. Ориентируясь на позитивистскую идеологию, Филиппов утверждает, что Белинский и его единомышленники в России, глубоко понимая и ценя «то умственное и общественное движение, которое господствовало в Европе», плохо или, во всяком случае, недостаточно понимали то, что происходило у себя дома. Страстное желание ускорить ход истории обернулось для Белинского тем, что он и его соратники «слишком возвысились над религиозно-нравственными и общественными идеалами массы»⁵, утратили чувство меры и времени. В результате этого «при всей своей любви к народу» они порою доходили даже «до отчаяния в его будущности»⁶. Их образ мыслей, их взгляд на отношение искусства к действительности породили, по мнению Филиппова, негативные последствия в русской литературе. Главнейшее из них — пессимизм, неверие в способность народа к быстрому, прогрессивному развитию. Влияние этого взгляда, считает Филиппов, до сих пор отражается, например, в сатире Щедрина, сочинениях Г. Успенского, которые так же, как и Белинский, глубоко чувствуют, горячо любят народ и поэтому, требуя от него «слишком многого», отчаиваются и впадают в пессимизм.

Филиппов не осуждает, но вместе с тем и не приветствует критическое, обличительное направление в русской литературе, которое, как ему кажется, явилось более следствием внешних влияний, чем органического развития. Новым ориентирам Филиппова более соответствует Л. Толстой с его проповедью внутреннего самоусовершенствования, критическим отношением не столько к внешним обстоятельствам, общественным учреждениям и другим людям, сколько к своей собственной личности. Отталкиваясь от мысли о том, что наиболее естественным, органическим и здоровым состоянием человека является стремление к усовершенствованию, порождающее постоянную жажду знаний, потребность неустанного труда, Филиппов пробует убедить читателей, что именно толстовское отношение к жизни и его творчество как самовыражение высоко нравственной личности и есть жизненный и эстетический идеал.

Таким образом, всестороннее совершенствование человека, а следовательно, и всего человеческого общества, совершающееся в силу внутренней потребности каждой отдельной человеческой личности, и отражение всего многообразия такой жизни в литературе и искусстве, — вот наиболее общие требования Филиппова к жизни и искусству, сложившиеся у него в начале 80-х годов не без влияния позитивизма. Это влияние, например, в статье «По поводу писем Гоголя» проявилось, с одной стороны, в осуждении «вождистской», направляющей роли критики 40-х годов, с другой — в ориентации читателей и деятелей искусства на естественность, органичность и правдивость только что вышедшей в свет толстовской «Исповеди» как образец такой достоверности в области искусства, где художественный вымысел становится такой же непреложной истиной, как и самый непреложный факт в вещественном, материальном мире.

Оригинальность позитивистской позиции Филиппова заключалась, однако, в том, что, приветствуя, поддерживая и популяризируя эволюционный метод в науке, истории и искусстве, он в то же время ясно осознавал еще в 80-е годы незавершенность и уязвимость учения О. Конта. Филиппов отверг контовское пожелание исключить из поэзии описание природы на том якобы основании, что «наука непровержимо доказала» ее «крайнее несовершенство». Соглашаясь с Контом в том, что «истинно-эстетический дух» должен «воспевать чудеса рук человеческих, победу над природой», Филиппов справедливо замечает, что описание и даже поэтизация природы никогда не смогут оказаться лишними в искусстве хотя бы потому, что природа извечно была и будет средой, в которой происходит развитие общества и индивидуума»⁷. С другой стороны, в силу объективности существования прекрасного в природе, глубинное освоение законов природы с помощью науки, по мнению Филиппова, не может не способствовать одновременно и эстетическому освоению мира. «...Стоит последовать за Шлейденем в дремучий лес, или за Тиндалем на вершины Альпийских гор, чтобы убедиться в том, что естествознание вовсе не чуждо поэзии»⁸, — писал Филиппов. Оговорившись, что он ве-

дет речь не о бессмысленном «воспевании» ручейков, Филиппов настаивает на том, «чтобы всякий художник прежде всего имел обширные сведения по естествознанию, которых не заменит никакой талант»⁹.

Не принимал Филиппов и контовское стремление «поставить границы объективному исследованию вселенной», настойчивое желание возвысить научный, рационалистический способ познания мира над чувственным, эмоциональным. По его мнению, истину обретет лишь тот, «кто обладает не только познаниями ученого, но и тою впечатлительностью и восприимчивостью, которая свойственна великим поэтам, беллетристам и драматургам»¹⁰. Иная страница Шекспира, указывает Филиппов, «стоит любого психологического или политического трактата»¹¹.

Незавершенность учения Конта сказалась, по мнению Филиппова, и на решении такой издревле волновавшей лучшие умы человечества проблемы, как соотношение «добра» и «зла», любви и ненависти, сотрудничества и борьбы. Одностороннее упование основателя позитивизма на просвещение и альтруизм, без учета классового характера человеческого общества, вызывало у Филиппова сомнение и недоверие. Он критикует ошибочные положения позитивистской теории искусства.

¹ См.: Косич А. Культурная жизнь.— Век, 1883, № 1, с. 33.

² См.: Залетный И. Критические беседы.— Русское богатство, 1891, № 11, с. 160.

³ См.: Русская мысль, 1884, № 10, с. 5.

⁴ См.: Филиппов М. М. По поводу писем Гоголя.— Век, 1884, кн. 1, отд. II, истор., с. 1—17.

⁵ Там же, с. 4.

⁶ Там же.

⁷ Век, 1883, февраль, отд. VIII, с. 60.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, апрель, с. 88.

¹¹ Там же.

Л. А. ВАНКОВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ НАДЕЖДЫ ТЕПЛОВОЙ

В курсе истории русской литературы XIX века есть раздел «Поэты пушкинской поры». В нем представлено творчество друзей, учеников и последователей величайшего из поэтов — Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига, Д. В. Веневитинова, Н. М. Языкова, Д. В. Давыдова, П. А. Вяземского; рассматривается специфика, своеобразие творчества каждого из них. Но в программе курса даже не упоминаются ни Е. П. Растопчина, ни Н. С. Теплова, как не упоминаются и поэтессы середины и конца XIX века.

Чтобы восполнить отмеченный пробел хотя бы частично, обратимся к творчеству Надежды Тепловой, о которой с чувством симпатии писал В. Г. Белинский, кстати впервые обративший внимание на литературную деятельность русских женщин.

Перечитывая стихотворения Тепловой сегодня, нельзя не заметить, что у нее был свой поэтический голос, своя лирика, которая в силу присущих ей особенностей могла появиться только после Пушкина и никак не ранее.

Теплова прожила короткую жизнь, о которой мы мало что знаем. Надежда Сергеевна Теплова (по мужу Терюхина) родилась в 1814 году в Москве. Писать начала рано. Ее первое стихотворение увидело свет, когда юной поэтессе было тринадцать лет. В 1827 году в журнале «Телеграф» было опубликовано ее стихотворение «К родной стороне». Позднее стихотворения Тепловой печатались в «Отечественных записках», «Телескопе», «Московском наблюдателе», в альманахах «Северные цветы», «Денница», «Киевлянин» и ряде других изданий. Трижды ее произведения выходили отдельными книжками (в 1833, 1838 и 1860 годах, последняя уже посмертно). По-видимому, тираж их был очень невелик, потому что сегодня трудно разыскать хотя бы один экземпляр. В Государственной библиотеке Союза ССР имени В. И. Ленина хранится тоненькая книжечка «Стихотворений» Тепловой 1860 года издания. В нее вошло немногим более 80 произведений, да так называемые «Биографические известия», которыми мы пользовались при подготовке настоящей статьи¹.